

ОСНОВАНИЕ МОСКВЫ В ОСВЕЩЕНИИ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ»
В. Н. ТАТИЩЕВА¹

Интерес русских людей к прошлому Москвы, ее урочищ, мест и строений проявлялся уже в XV в., о чем свидетельствуют отсылки к прошлому в летописных статьях 1461 и 1484 г.² Летописные сводчики конца XV – XVI в. выделяли заголовками первое упоминание Москвы в их текстах под 1147 г. – «О Москвѣ»³, а в составленной в 1560–1563 г. «Книге степенной царского родословия» утверждалось, что «во оно время въ лѣто 6655 сій великій князь Георгій Владимеричъ въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ господствуя», связывая самое раннее упоминание Москвы с существованием города и правлением в нем Юрия Долгорукого⁴. Но лишь в XVII столетии к истории Москвы стало проявляться повышенное внимание. От 70-х годов XVII в. и по вторую половину XVIII в. включительно сохранилось несколько десятков списков различных «Повестей о начале Москвы», в которых основание города приписывалось то Юрию Долгорукому, то сыну Александра Невского Андрею, то вымышленному князю Даниилу Ивановичу, то древнему Олегу Вещему⁵. Взаимоисключающие свидетельства этих «Повестей» о времени и обстоятельствах основания главного города сначала княжества, а потом всей Руси побуждали уже ранних представителей нарождавшейся в XVIII в. русской исторической науки выяснять действительное время возникновения Москвы.

Определенный вклад в этом отношении был сделан первым русским историком В. Н. Татищевым. Его рассказ о построении будущей столицы Русского государства подробен и изобилует красочными деталями. Под 1147 (6655) г. В. Н. Татищев, следуя целому ряду русских летописных сводов XV–XVI в., сообщил в своей «Истории Российской» о захвате Юрием Долгоруким Нового Торга (Торжка) и земель по р. Мсте, принадлежавших Новгороду. Одновременно Юрий Долгорукий, по словам историка XVIII в., обратился к своему союзнику новгород-северскому князю Святославу Ольговичу, стоявшему с дружиной в Лобынске⁶ при впадении в Оку р. Протвы, повелевая ему воевать Смоленское княжество. Святослав Ольгович двинулся к верховьям Протвы в пределы Смоленского княжества и там, по рассказу В. Н. Татищева, «взя град Голяд и люд мног, и посла Юриеви возвестити»⁷. Татищевское указание на «град Голяд» является своеобразной лакмусовой бумажкой, позволяющей определить источник сведений В. Н. Татищева. Оказывается, о городе Голяди говорилось в составленной в 20-е годы XVI в. Никоновской летописи⁸. Это была первая русская летопись, отождествившая Голядь с городом. Никоновская летопись была одним из основных источников В. Н. Татищева, использованных им при написании «Истории Российской», особенно при повествовании о событиях XIV столетия⁹. В главе VII своего труда, озаглавленной «О

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-01-00211а).

² ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 277 (утверждение о том, что древняя деревянная церковь Рождества Иоанна Предтечи в бору у Боровицких ворот в прошлом была главной кремлевской церковью, а двор князя И. Ю. Патрикеева стоял на месте бывшего двора митрополита Петра), С. 330 (о перестройке Иваном III Благовещенского собора в Кремле, возведенного во времена Василия I).

³ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XXIII. С. 33; ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. XXVIII. С. 28 (летописный свод 1497 г.), С. 183 (летописный свод 1518 г.).

⁴ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. XXI. Ч. I. С. 191.

⁵ Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964.

⁶ У В. Н. Татищева название города искажено – «в городе Любенску» (см.: Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. М., 1964. С. 206). Правильное название – «в городѣ Лобынскѣ» – сохранила Ипатьевская летопись (см.: ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 339).

⁷ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 206–207.

⁸ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 172.

⁹ Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М.; Л., 1962. С. 47.

списках или манускриптах, употребленных к сему собранию», В. Н. Татищев указал на «Летописец Воскресенского монастыря, подписанной рукою Никона патриарха», который был «продолжен по 1630 год»¹⁰. Летописец принадлежал библиотеке Петра I и сохранился до наших дней¹¹. Под названием «Академический XV» он был использован при издании Никоновской летописи в 1862 г.¹² Оттуда же взят материал и для XIV тома ПСРЛ¹³. Нет ничего удивительного в том, что В. Н. Татищев обратился к этой летописи и при пересказе одного из эпизодов русской истории XII в. Однако в других, в том числе и в более ранних русских летописных сводах, читалось «люди Голядь»¹⁴ или «люди Голядь»¹⁵, а не «град Голядь», поскольку голядь была племенем. В. Н. Татищев не стал выяснять, какое из двух противоречащих свидетельств является верным, а просто свел их воедино, написав, что Святославу Ольговичу удалось взять и «град», и «люди».

Далее в «Истории Российской» следовал вмонтированный В. Н. Татищевым в статью 1147 г. рассказ об основании Москвы и о событиях, с ним связанных: «Юрий же, ач име княгиню и любяше ю, да и другия жены многи приводя, веселяся почасту, ночи играя на скомонех и пия со дружиною; и мнози оскорбляхуся о сем. Тысяцкого же Кучка жена, красоты ея дея, им толико овладела, яко все по ея устроая. И егда иде Юрий ко Торжку, Кучко, не моги срама от людей терпети, а более подстрекаем княгинею, иде во свое село, и жену ят с собою, и посади ю во истопце, и умысли бежати ко Изяславу во Киев. Юрий же, слыша о сем, остави воевати волость Новгородскую, взем мало дружины, иде наспех на реку Москву, иде же Кучко живяше. И пришед, убий Кучка и дщерь его вдаде за сына своего Андрея. Улюби же место то и заложил град (298), оставя строити, даже ожени сына. И посла ко Святославу Ольговичю, рек: “Приди ко мне в Москву”. И еха Святослав з дитятем своим Ольгом в мале дружине, взя же с собою и Володимера Святославича. Олег же еде наперед ко Юрьеву, и да ему Юрий пардус. Потом приеха отец его Святослав на день похвалы богородицы, и целовастася любезно, сотвори Юрий има честь велику чрез 5 дни. И да Юрий Святославу и сыном его дары многи, и дружину их учредив, отпусти, обещася Юрий пустити сына к нему, яко же и сотвори. А сам со сынми, скончав веселие, иде к Суздаю, а Святослав иде к Любску, а оттуда иде к Серенску, и прешед Оку, ста. И ту преставись добрый старец Петр Ильин, иж был муж отца его, уже от старости на коне не може итти, бе бо лет за 90»¹⁶.

Текст В. Н. Татищева от слов «И посла ко Святославу Ольговичю» до конца цитаты явно построен на летописном материале. Таким материалом не могла стать для историка XVIII в. использованная им ранее Никоновская летопись. В последней ничего не говорится о приезде к Юрию Долгорукому сына Святослава Ольговича Олега и о получении им от Юрия в подарок пардуса; о приезде следом за Олегом самого Святослава Ольговича на день Похвалы богородицы; об обещании Юрия отпустить к Святославу своего сына, что и было исполнено; о переходе Святославом р. Оки после ухода из Москвы; о смерти его боярина Петра Ильича, которому было 90 лет и который служил еще его отцу, т. е. умершему в 1115 г. князю Олегу Святославичу, внуку Ярослава Мудрого¹⁷. Очевидно, что все эти сведения В. Н. Татищев почерпнул не из Никоновской летописи, а из другого свода.

Сравнительно недавно в научной литературе было высказано мнение о том, что представлял собой этот свод. А. П. Толочко, исследуя источники «Истории Российской» В. Н. Татищева,

¹⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т. I. С. 124.

¹¹ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. XVIII век. М.; Л., 1956. С. 91; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Т. III. Вып. I. М.; Л., 1959. С. 350–354. Шифр рукописи: БАН. 17.2.5. Рукопись заканчивается Новым летописцем, который доводит рассказ об исторических событиях до 1630 г.

¹² ПСРЛ. Т. IX. С. VIII.

¹³ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XIV.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 339; ПСРЛ. Т. XXV. С. 39; ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII. С. 38; ПСРЛ. Пг., 1921. Т. XXIV. С. 76; ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XX. Ч. I. С. 108.

¹⁵ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 33; ПСРЛ. Т. XXVIII. С. 28 (летописный свод 1497 г.), 183 (летописный свод 1518 г.).

¹⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 207.

¹⁷ ПСРЛ. Т. IX. С. 172.

обратил внимание на одну особенность этого труда: «Примечание 298 (418) (речь идет о примечании В. Н. Татищева к статье 1147 г., имеющей разные номера в разных редакциях «Истории Российской». — В. К.) утверждает, что в статье 1147 года упоминалась Москва, что, действительно, находим в соответствующем месте всех Ипатьевских списков»¹⁸. Отсюда следует, что Ипатьевская летопись должна быть признана тем источником, из которого В. Н. Татищев извлек материал, легший в основу его повествования о Москве и событиях 1147 г. Однако метод, примененный А. П. Толочко для выяснения вопроса относительно происхождения татищевских известий, зиждется на молчаливом признании родства текстов по одному маркирующему признаку, в данном случае по упоминанию Москвы в статье 1147 г. как в «Истории Российской» В. Н. Татищева, так и в Ипатьевском, Хлебниковском и Ермолаевском списках Ипатьевской летописи. Но единственное текстуальное совпадение далеко не всегда может служить достаточным основанием при установлении генетической зависимости текстов. К тому же в примечании 298 В. Н. Татищев прямо указал на один из своих источников — Никоновскую летопись¹⁹, а Москва упоминается в статье 1147 г. не только Ипатьевской, но и той же Никоновской летописи, московского свода 1479 г.²⁰, летописных сводов 1497 и 1518 г.²¹, Ермолинской летописи²², Воскресенской летописи²³, Типографской летописи²⁴, Львовской летописи²⁵ и Лицевого свода²⁶. Поэтому возникает естественный вопрос: почему исследователем произведено сопоставление труда В. Н. Татищева только с Ипатьевской летописью (правда, со всеми ее списками), а не со всеми летописными сводами, упоминающими Москву в 1147 г.? Ведь татищевское чтение «град Голяд» отсутствует в тексте Ипатьевской летописи (всех ее списков), следовательно, этот свод даже теоретически не мог быть единственным источником рассказа В. Н. Татищева под 1147 г. А если В. Н. Татищев упомянул Москву, исходя из текста совсем другой летописи, например Львовской, то при чем здесь летопись Ипатьевская? Очевидно, что приемы исследования, примененные А. П. Толочко, не позволяют корректно охарактеризовать источники, положенные В. Н. Татищевым в основу при изложении событий 1147 г., в которых упоминалась Москва.

Выше были перечислены сведения, которые приведены В. Н. Татищевым в статье 1147 г. и которые отсутствуют в Никоновской летописи. Оказывается, такие данные есть только в Ипатьевской летописи, московском своде 1479 г. и своде конца XV в., а также в Воскресенской летописи. Поэтому источник «Истории Российской» следует искать среди этих памятников.

Поиск существенно облегчается благодаря указанию В. Н. Татищева на то, что Святослав Ольгович, расставшись с Долгоруким, «иде к Серенску, и прешед Оку, ста». В Ипатьевском и Ермолаевском списках Ипатьевской летописи, а также в московском летописном своде конца XV в. вместо «Серенску» читается «Неринскоу»²⁷, в Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи — «Неринскоу»²⁸. Неринск находился на правом берегу р. Оки, как полагал А. Н. Насонов, сравнительно недалеко от Лобынска вверх по р. Оке, т. е. выше устья Протвы²⁹. В Неринске Святослав Ольгович дождался прибытия половецких послов и вместе с ними двинулся

¹⁸ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 139.

¹⁹ См. текст татищевского примечания 298 ниже.

²⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 39.

²¹ ПСРЛ. Т. XXVIII. С. 28 (летописный свод 1497 г.), 183 (летописный свод 1518 г.).

²² ПСРЛ. Т. XXIII. С. 33.

²³ ПСРЛ. Т. VII. С. 38.

²⁴ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 76.

²⁵ ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. С. 108.

²⁶ ПСРЛ. Т. IX. С. 172.

²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 340 и приложение. С. 27, вар. к стб. 340; ПСРЛ. Т. XXV. С. 39.

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 340, вар. 54.

²⁹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 228.

к Дедославу на соединение с основными силами половцев³⁰. Серенск же располагался на правом берегу р. Серены, левого притока р. Жиздры, которая, в свою очередь, являлась левым притоком р. Оки³¹. По пути к Серенску, Святославу Ольговичу совсем не нужно было переходить Оку, как о том сообщают летописи и как написал В. Н. Татищев. Очевидно, что чтение «Нериньскоу» является первичным, а чтение «Серенску» в «Истории Российской» — вторичным и ошибочным. Но именно чтение «Серенску» содержалось в одном из списков Воскресенской летописи, который был в распоряжении В. Н. Татищева. Историк указал, что у него имелся летописец «Нижегородской, не весьма старого письма, однако ж не меньше 300 лет. ... Отдан мною в Академию наук»³². Рукопись сохранилась³³. Это так называемый Алатырский список Воскресенской летописи, использованный при публикации летописи в 1856 г.³⁴ В этом списке вместо «Нериньску» читалось «Серенску»³⁵.

Летописный памятник, которым пользовался В. Н. Татищев, помимо неверного указания на Серенск, содержал еще одну неточность. В «Истории Российской» сказано, что до Серенска князь Святослав Ольгович «иде к Любску». На самом деле Святослав направился к городу Лобынску, в котором он пребывал до свидания с Юрием Долгоруким³⁶. В Воскресенской летописи название города несколько искажено: Святослав «возвратися къ Любыньску»³⁷, но в тексте В. Н. Татищева оно искажено еще больше, в нем оказались пропущенными буквы «ынь». Такая ошибка переписывания указывает на позднее происхождение источника татищевской «Истории Российской».

Возможно, источник имел еще одно чтение, которое отличало его от других летописей. В нем было написано, что скончавшемуся Петру Ильичу, боярину князя Святослава Ольговича, было «лет за 90», что и воспроизвел В. Н. Татищев. Во всех известных к настоящему времени летописях читается «лѣт 90»³⁸.

В характеризуемом источнике, по-видимому, было также и одно неясное место, которое историк XVIII в. истолковал по-своему. Он написал, что «сотвори Юрий има честь велику чрез 5 дни». Почему Долгорукий удостоил приехавших гостей чести не сразу после их приезда, а лишь через 5 дней, и откуда В. Н. Татищев взял саму цифру 5? В Воскресенской летописи говорилось, что новгород-северский князь Святослав Ольгович, принимая приглашение Юрия Долгорукого, сначала послал к нему своего сына Олега, а потом приехал сам «въ день пятокъ, на Похвалу Богородици»³⁹. Обо всем этом сказано и в «Истории Российской» В. Н. Татищева, но там нет слов «въ день пятокъ». По-видимому, в тексте, на который опирался В. Н. Татищев, имела место инверсия: вместо «и тако любезно цѣловастяся, въ день пятокъ, на Похвалу Богородици, и тако возвеселишася вкупѣ» было написано «и тако любезно цѣловастяся на Похвалу Богородици, въ день 5 и тако возвеселишася вкупѣ», где слово «пятокъ» было преобразовано в цифру «5» (возможно, под влиянием написания «пяѣ» с выносной буквой «т»), что и дало основание В. Н. Татищеву писать об оказании Юрием Долгоруким чести своим гостям только «чрез 5 дни».

Следует указать и на другое непонимание В. Н. Татищевым текста своего источника. Историк отметил, что «да Юрий Святославу и сыном его дары многи». «Сыном» стоит в дательном падеже множественного числа. Очевидно, что речь идет по меньшей мере о двух сыновьях Святослава

³⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 341, 342. Дедославъ отождествляется с с. Дедиловым, расположенным на юго-востоке от современной Тулы (см.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. С. 224).

³¹ Атлас Калужской области. Роскартография. 2007. Л. 63.

³² Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 49.

³³ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. С. 437. № 24.

³⁴ ПСРЛ. Т. VII. С. VII–VIII.

³⁵ Там же. С. 38, вар. в.

³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 340. Ср. стб. 339, где сказано, что «Святославъ... ста на оустъ Поротве в городѣ Лобыньскѣ».

³⁷ ПСРЛ. Т. VII. С. 38. Это искажение было уже в источнике Воскресенской летописи — московском своде 1479 г. (см.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 39).

³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 340; ПСРЛ. Т. XXV. С. 39; ПСРЛ. Т. VII. С. 38.

³⁹ ПСРЛ. Т. VII. С. 38.

Ольговича. Несколько выше, повторяя свой источник, В. Н. Татищев написал, что в Москву к Юрию «еха Святослав з дитятем своим Ольгом в мале дружине, взя же с собою и Володимера Святославича». Никаких других князей — московских гостей Юрия Долгорукого — в 1147 г. В. Н. Татищев по именам не называл. Следовательно, говоря о получивших дары Святославе и его сыновьях, историк под последними разумел Олега Святославича и Владимира Святославича. Однако рязанский князь Владимир Святославич был сыном не Святослава Ольговича Новгород-Северского, а Святослава Ярославича Муромского⁴⁰. У Святослава Ольговича сына Владимира не было⁴¹. Выясняется, что о родстве князей, упомянутых в рассказе 1147 г., В. Н. Татищев судил только по их отчествам, не делая никаких специальных разысканий и проверок. А в результате ошибся, существенно исказив содержание своего источника, представив встречу в Москве в 1147 г. как встречу двух князей с их сыновьями. На самом же деле Москва в 1147 г. стала местом трехсторонних княжеских переговоров.

Промахи В. Н. Татищева в интерпретации использованного им летописного текста являются доказательством того, что этот текст В. Н. Татищев не выдумывал, он просто привлекал попавший в его руки источник при изложении событий 1147 г. При этом данный источник, в основном следуя, как выясняется, Алатырскому списку Воскресенской летописи, содержал чтения, отличные от этой летописи. Так, приглашение Юрия Долгорукого князю Святославу Ольговичу приехать в Москву выражено в «Истории Российской» в форме «Приди ко мне в Москву». В Воскресенской же летописи вместо этого читается «Буди, брате, ко мнѣ на Москву»⁴². В источнике Воскресенской летописи московском своде 1479 г. (или конца XV в.) фраза почти та же: «Буди, брате, ко мнѣ на Московь»⁴³. В Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи читается «Приедь къ мнѣ, брате, в Московь»⁴⁴, в Ермолаевском — «Приедь ко мнѣ, брате, в Московь»⁴⁵. Но в Ипатьевском списке Ипатьевской летописи вместо глаголов «буди» и «приедь» стоит «Приди къ мнѣ, брате, въ Московь». Наличие в «Истории Российской» глагола «приди» и предлога «в» явно роднит татищевский текст с текстом Ипатьевского списка Ипатьевской летописи. К тому же чтение «Москву» обнаруживает сходство с чтением того же списка, но с чтением поздним. Как указано А. А. Шахматовым, в слове «Московь» Ипатьевского списка окончание «ѣ» было позднее исправлено на «у», в результате чего появилось «Москову»⁴⁶, которое оказывается близким татищевскому «Москву».

Далее в «Истории Российской» сообщается, что в ответ на приглашение Юрия к нему «еха Святослав з дитятем своим Ольгом». Эта фраза отличается от текста Воскресенской летописи, где читается «Святославъ же поиде къ нему и со сыномъ своимъ Олгомъ»⁴⁷. То же чтение содержит источник Воскресенской летописи — московский свод 1479 г. (конца XV в.)⁴⁸. Слова «дитятем» в этих летописях нет. Но в Ипатьевской летописи текст иной: «Св(л)тославъ же ѣха к нему съ дѣтатемъ своимъ Ѡлгомъ», причем «дѣтатемъ» читается во всех списках этой летописи⁴⁹.

В то же время в Ипатьевской летописи сообщается, что Святослав приехал в Москву «въ день пѣтокъ», а Петр Ильич преставился «к велику дни на веребнищю»⁵⁰, чего нет в тексте В. Н. Татищева.

⁴⁰ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VI. М., 1855. С. 76, 127. Только в Ипатьевской летописи было отмечено, что пришедший в 1146 г. к Святославу Ольговичу Новгород-Северскому князь Владимир Святославич был внуком Ярослава (см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 329). Очевидно, что этого известия В. Н. Татищев не знал.

⁴¹ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. С. 81.

⁴² ПСРЛ. Т. VII. С. 38.

⁴³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 39.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 339, вар. 37, 38.

⁴⁵ Там же. Приложение. С. 27, вар. к стб. 339, строкам 27–28.

⁴⁶ Там же. Стб. 339, прим. в.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. VII. С. 38.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 39.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 339–340.

⁵⁰ Там же. Стб. 340.

Если Ипатьевская летопись, сообщая о смерти престарелого Петра Ильича, поясняет, что он «от старости не можаше ни на конь всѣсти»⁵¹, то В. Н. Татищев пишет, что Петр Ильич «от старости на коне не може идти», несколько перефразируя текст Воскресенской летописи: «отъ старости на конь не можаше ити»⁵².

Таким образом, есть основания полагать, что в руках В. Н. Татищева был поздний летописный памятник, в основе которого лежала Воскресенская летопись, но этот памятник корректировался по другому источнику, сходному с поправленным Ипатьевским списком Ипатьевской летописи.

Всего же при написании начала статьи 1147 г. и заключительной части рассказа о событиях 1147 г., связанных с Москвой, в «Истории Российской» прослеживается использование историком XVIII в. трех летописных памятников: Никоновской, Воскресенской и Ипатьевской летописей. Это означает, что к труду В. Н. Татищева нельзя подходить как к средневековому летописному тексту, зачастую дословно воспроизводившему материал предшествовавших памятников летописания. Придерживаясь формы летописных сводов (погодное изложение), историк XVIII в. создавал собственный компилятивный текст, вводя в изложение своего основного источника почерпнутые из побочных материалов разъяснения и уточнения (град Голяд, возможно, Серенск), которые на самом деле были ошибочны, для улучшения стиля изложения производя синонимические замены («з дитятем своим Ольгом» вместо «со сыномъ своимъ Олгомъ», «приди... в Москву» вместо «буди... на Москву»), стараясь обобщить сведения источника (превратив двух князей — Святославичей в родных братьев), что привело к существенному искажению летописных свидетельств.

Несколько иной характер носит татищевский текст от слов «Юрий же, ач име княгиню и любляше ю» до слов «остася строити, даже ожени сына» включительно. Сопоставление со всеми известными к настоящему времени летописями показывает, что такого рассказа они не содержат. Однако этот рассказ обнаруживает определенное сходство с одним историко-литературным памятником, который в XX в. получил в науке название «Повесть о зачале Москвы». Согласно «Повести», Москва была основана Юрием Долгоруким на месте «красных» сел богатого боярина Кучко. Проезжая в 6666 (1158) г. из Киева во Владимир на Клязьме к княжившему там своему сыну Андрею Боголюбскому, Юрий Долгорукий остановился в устье впадавшей в Москву р. Неглинной, взшел на гору и увидел красивые села. Они принадлежали Кучко. Их владелец не стал чествовать великого князя, что сильно обидело Юрия. Князь приказал казнить спесивого боярина, однако сохранил жизнь его молодым сыновьям и дочери. Кучковичи были отосланы во Владимир к Андрею Боголюбскому, который женился на Кучковне. Юрий же Долгорукий на месте боярских сел основал маленький деревянный город Москву, названный так по имени протекавшей рядом реки. Кучковичи впоследствии отомстили за казнь отца, убив Андрея Боголюбского, за что и сами заплатились жизнями. Такова несложная фабула «Повести», составитель которой, живший, как полагают, во второй четверти XVII в., стремился доказать, что царствующий град Москва, признаваемый в его время третьим Римом, имел с первыми двумя Римами большое сходство и, как и первый Рим, и второй Рим — Константинополь, Москва возникла «на крови»⁵³.

В. Н. Татищеву этот сюжет был хорошо известен. Историк упомянул о привлеченной им при написании «Истории Российской» «топографии», как он называл некоторые рукописные сборники, «о построении и разорении Москвы, которая, кем сочинена, неизвестно, однако ж видно некто из доброхотов хисчника престола Бориса Годунова был, потому что он род его от древняго владетеля Москвы тысяцкого Тучка производит, но в хвале той весьма ошибся тем, хотя то и закрыл, что оной Тучко от великаго князя Георгия II-го и его дети от Михаила II-го за убийство великаго князя Андрея II-го казнены, однако ж у знающих ему оное более к поношению, нежели

⁵¹ Там же.

⁵² ПСРЛ. Т. VII. С. 38. То же: ПСРЛ. Т. XXV. С. 39.

⁵³ Салмина М. А. Повести о начале Москвы. С. 13–81.

чести разумеется»⁵⁴. Составители «Примечаний» к академическому изданию 1962 г. «Истории Российской» решили, что «Московской топографией» В. Н. Татищев назвал или «Летопись о многих мятежах», или «Новый летописец»⁵⁵. Однако ни тот, ни другой памятник не содержат сообщений о тысяцком Тучко. М. Н. Тихомиров, анализируя источники, на которые опирался В. Н. Татищев, работая над своей «Историей», отметил, что речь в данном случае должна идти о каком-то списке сказаний о Москве, но списке особом, современной науке неизвестном, где вместо боярина Кучко фигурировал тысяцкий Тучко, объявленный родоначальником рода Годуновых⁵⁶. Заключение М. Н. Тихомирова справедливо, но замечание В. Н. Татищева о неполноте сведений московской «топографии» (там отсутствовали указания о казни «древняго владетеля Москвы» Юрием Долгоруким, об убийстве Кучковичами Андрея Боголюбского, о казни убийц братом Андрея Михалкой) свидетельствует о том, что историк XVIII в. знал и другие версии «Повести о зачале Москвы», в которых рассказ был более полным. Действительно, в основном тексте своей «Истории Российской» В. Н. Татищев говорит не о Тучко, а о Кучко (Кучке)⁵⁷, о его казни (в рассматриваемой статье 1147 г.), а в примечании 371 пишет о том, что «Москва в разных и древних манускриптах Кучково имяновано от прежняго владетеля Кучка. Но князь великий Юрий, построя город, имяновал от реки Москва»⁵⁸. Исследовательница Повестей о начале Москвы М. А. Салмина выделила 4 вида «Повести о зачале Москвы»⁵⁹. Слова В. Н. Татищева о том, что Кучко был «владетелем Москвы», колебания в написании его имени (то Кучко, то Кучка), отсутствие христианских имени и отчества Кучко (Степан Иванович), имени его дочери (Улита), якобы вышедшей замуж за Андрея Боголюбского, появившихся во втором виде «Повести о зачале Москвы»⁶⁰, — все эти особенности татищевского текста указывают на использование историком XVIII в. первого вида названной «Повести»⁶¹. В то же время была привлечена и «Московская топография», откуда в статью 1147 г. «Истории Российской» попало определение Кучка как тысяцкого.

«Повесть о зачале Москвы» была использована весьма своеобразно. В. Н. Татищев придал литературному сочинению XVII в. пикантную окраску. Он написал об интриге, возникшей между Юрием Долгоруким и красавицей-женой боярина Кучка. По В. Н. Татищеву, измена жены заставила Кучко арестовать ее и замыслить побег в Киев к Изяславу Мстиславичу, племяннику и непримиримому врагу Юрия Долгорукого. Последний, узнав о действиях и замыслах Кучка, свернул войну с Новгородом и с небольшой дружиной устремился к р. Москве, где располагалось село боярина. Прибыв туда, Долгорукий казнил Кучка, а на месте села воздвиг город. Туда он и пригласил Святослава Ольговича Новгород-Северского. По сути дела В. Н. Татищев вписал литературный факт, им самим одобренный различными лирическими и трагедийными подробностями, в историческую ситуацию 1147 г. Отсюда в этой части его рассказа наряду с фантастическими отражены и реальные факты вражды Изяслава с дядей Юрием, пребывания Изяслава в Киеве, войны Долгорукого с Новгородом.

Правда, сам В. Н. Татищев был уверен в том, что он ничего не придумывал, а просто следовал своим источникам. В примечании 298 (том самом, которое анализировал А. П. Толочко) историк писал о материалах, положенных в основу своего рассказа под 1147 г.: «О построении Москвы в Раскольничем манускрипте точно как здесь написано, в Голицынском и Никоновском, что

⁵⁴ Татищев В. Н. История Российская. Т. I. С. 84.

⁵⁵ Там же. С. 444, прим. л.

⁵⁶ Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской». С. 41.

⁵⁷ Татищев В. Н. История Российская. Т. I. С. 375. № 20; Т. IV. С. 285, 449–450, прим. 368.

⁵⁸ Там же. Т. IV. С. 450, прим. 371.

⁵⁹ Салмина М. А. Повести о начале Москвы. С. 173–198.

⁶⁰ Ср.: Там же. С. 175, 180 (первый вид Повести о зачале Москвы) и 189, 191 (второй вид Повести о зачале Москвы).

⁶¹ В третьей редакции Повести подчеркнута изначальность владения Москвой не Кучком, а Юрием Долгоруким, в четвертой отсутствует рассказ о казни убийц Андрея Боголюбского его братом князем Михалкой (Там же. С. 194, 198).

Юрий был в Москве, в Хранографе построение ея в 1151-м году, когда и Владимир строен. Иные же построение ея хотят весьма старее сказать, производя имя ея от Мосоха, чему неколико и Стрыковский, о имени руском пиша, согласует, но без доказательства. Страленберг сие производит от бывшей деревни Москтковы, которому те видится причиною, что писали особно о убиении Андрея Боголюбского от Кучковых и о построении Москвы Данилом Александровичем, не справясь с историями, басню сложили. Имя же сие, мною, сарматское, но что значит, неизвестно; а более можно думать, что по сей реке народ амаксоби, или моши, жили, которых разные писатели разнo именяют, яко амаксоби, моши, мосхи, мадоки и пр., как Стрыковский доводит, или за подобие имени разных народов заедино совокупают, и может быть, амаксоби от Москвы реки именовались. Птоломей в своих картах близ оного места их кладет. О мосхах же Страбо в книге Географии сказует: «Мосхи с королевством Колхинским граничат». Помпоний Меля в 3 книге Географии Мосхие горы кладет над морем Гирканским. Плиниус Старый мосхов в Каподдокии или Армении в 6 кн., гл. 10, по реке Ибер, которая течет в Кир (ныне Кур). Луканус, кн. 3, фарс. 270: «Мосхи со сарматами граничат». Иосиф Жид в Древностях жидовских, кн. I, гл. 11, мнит, что мосхи от Афетова сына Мосоха произошли, Птоломей в книге 5, гл. 9 и 13 говорит: «Модоки народ в Азиатицкой Сармации». Поссиодус Аполинарис в своих виршах два раза сарматов и мосхов, яко смежных, упоминает. И по сим довольно видимо, что мосхи сарматы прежде жили около моря Каспийского; потом, перешед, жили в сих местах около реки Москвы, от которых остатки или от реки Мокши мокшане названные сарматы и доднесь в Руси знаеми»⁶². Приведенный текст свидетельствует о большой начитанности В. Н. Татищева и о его размышлениях относительно происхождения гидронима «Москва», который он посчитал сарматским и заимствованным Юрием Долгоруким для названия города Москва. Но нас в первую очередь интересуют указания самого В. Н. Татищева на источники, которые он привлек при изложении событий 1147 г. Татищевская ссылка на Никоновскую летопись оказывается совершенно точной. Из нее, как можно было убедиться выше, В. Н. Татищев позаимствовал определение «град» по отношению к голяди. Относительно двух других летописных источников, которые должны быть сходны с Воскресенской и Ипатьевской летописями, В. Н. Татищев написал, что это были Раскольниковы, которой он следовал более всего, и Голицынская летописи. Какая из них была близка Воскресенской летописи, а какая Ипатьевской — сказать трудно, по ряду соображений можно думать, что с последней была более схожа Голицынская летопись⁶³. Но как бы там ни было, важно подчеркнуть, что в распоряжении В. Н. Татищева были не какие-то древние летописные своды, содержавшие совершенно уникальные сведения вроде прямого указания на основание Москвы Юрием Долгоруким в 1147 г., а летописные памятники, представленные или поздними списками, искажавшими более ранние оригиналы, или поздними редакциями. При

⁶² Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 439.

⁶³ Кучкин В. А. К спорам о В. Н. Татищеве // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 260–262. А. П. Толочко вслед за С. Л. Пештичем полагает, что Голицынская летопись представляла собой Ермолаевский список Ипатьевской летописи (см.: Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева. С. 169). Однако он не сумел объяснить конкретные отличия текста Ермолаевского списка от текста «Истории Российской» при прямых ссылках В. Н. Татищева на Голицынскую летопись (см.: Кучкин В. А. К спорам о В. Н. Татищеве. С. 249–250). В Раскольниковей летописи А. П. Толочко видит летопись «Хлебниковского типа» (см.: Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева. С. 169). Одновременно он считает, что в Раскольниковей летописи содержалась «под 1147 годом — довольно фривольная история происхождения Москвы (примечание 298/418)» (см.: Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева. С. 148). Но такой «фривольной истории» не знает ни сам Хлебниковский список, ни копии с него. При допущении наличия «фривольной истории» в Раскольниковей летописи последнюю нельзя отождествлять с копией с Хлебниковского списка, потому что это будет летопись, дополненная по другим источникам. Но обосновано ли такое допущение? В данном случае А. П. Толочко поступает точно так же, как критикуемые им его оппоненты: особое сообщение В. Н. Татищева («фривольная история») он возводит к источнику В. Н. Татищева, а не к нему самому. Но в таком случае надо признать, что В. Н. Татищеву необычайно повезло, он нашел все источники, на основе которых сочинил свою «фривольную историю» составитель Раскольниковей летописи, и среди них — очень редкий, называющийся боярина Кучка тысяцким.

этом, однако, в них могли сохраняться некоторые чтения таких ранних оригиналов, возможно, даже отдельные уникальные известия⁶⁴.

Но татищевское утверждение об основании Москвы в 1147 г. было почерпнуто не отсюда. Оно стало плодом исследовательских умозаключений историка XVIII в., построенных, главным образом, на свидетельствах «Повести о зачале Москвы», которым он в принципе доверял. Между тем отнесение в названной «Повести» поездки Юрия Долгорукого из Киева во Владимир на Клязьме и попутного основания им Москвы к 1158 (6666) г. явно противоречило указанной даже в поздних летописях дате смерти этого князя — 15 мая 1157 г.⁶⁵, которую приводил и сам В. Н. Татищев⁶⁶.

Не выдерживает критики предложенная В. Н. Татищевым дата основания Москвы (1147 г.) и при внимательном рассмотрении деталей его рассказа. Если первой акцией Юрия Долгорукого в 6655 летописном году был поход против Новгорода, завершившийся захватом Торжка и опустошением земель, прилегавших к р. Мсте, то она должна была начаться в первых числах марта 1147 г. Летопись сообщает, что 24 февраля 1147 г. в Колтеске умер сын Юрия Долгорукого Иван. На следующий день в Колтеск приехали два брата Ивана Борис и Глеб, которые, «сърплатваше тѣло» Ивана, «идоша с нимъ Соуждалю къ ѡ(т)цу с жалостью»⁶⁷. Городок Колтеск стоял на правом берегу р. Оки в 5 км к западу от современной Каширы⁶⁸. Расстояние от Колтеска до Суздаля только по прямой составляет более 230 км. Если Борис и Глеб выехали из Колтеска 25 февраля, то к отцу в Суздаль они могли приехать примерно через 4–5 дней, т. е. 1–2 марта 1147 г., когда начался новый 6655 мартовский год. В таком случае Юрий Долгорукий мог выступить против Новгорода, считая по минимуму, не ранее 3 марта. По прямой от Суздаля до Торжка около 318 км, которые можно было преодолеть за 6–7 дней. Следовательно, военные действия, о которых говорится в самом первом сообщении статьи 6655 г. как летописей, так и «Истории Российской», могли начаться примерно в конце первой декады марта 1147 г. Вести о заточении любимой жены Кучка в его московском селе должны были достичь Долгорукого, если принимать за достоверное все написанное В. Н. Татищевым, через несколько дней после начала этих действий⁶⁹. Еще несколько дней потребовалось бы Юрию, чтобы по меньшей мере с верховьев р. Мсты доскакать до Москвы. Там он мог оказаться, допуская максимальную скорость его передвижения, около 16 марта. Со Святославом Ольговичем Юрий Долгорукий увиделся, как сказано в «Истории Российской», уже после постройки города. Точная дата свидания — «въ день пактокъ на Похвалу с(вѣ)тѣи богородици»⁷⁰, т. е. 4 апреля 1147 г.⁷¹ В условиях мартовской весны, еще не оттаявшей почвы, разливов и бездорожья примерно за две с половиной недели даже небольшую деревянную крепость построить было невозможно. Утверждение В. Н. Татищева на поверку оказывается ошибочным. И тем не менее его мысль об основании Москвы именно в 1147 г. оказалась настолько живучей, что даже в наше, казалось бы, просвещенное время отразилась в правительственных документах, регламентировавших празднование 850-летия первого упоминания Москвы в письменных источниках.

⁶⁴ О поздних летописных памятниках, бывших в распоряжении В. Н. Татищева, пишет и А. П. Толочко, но отличия фактического характера татищевского текста от текстов летописных он объявляет сочиненными самим В. Н. Татищевым, не утруждая себя более вдумчивым анализом текстов.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. VII. С. 66.

⁶⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 250.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 339, под 6654 годом мартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 142, 147.

⁶⁸ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. С. 225–226.

⁶⁹ В 70-е годы XV в. Иван III от Москвы до Торжка добирался за 10 дней, правда, делая в пути, видимо, длительные остановки (см.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 304, 311).

⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 340.

⁷¹ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 147.